

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА: НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О КОНЪЮНКЦИИ СМЫСЛОВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАКТИК

© 2020 г. Н. М. Добрынин

*Институт государства и права Тюменского государственного университета;
Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 22.01.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются аксиологические характеристики современного российского конституционализма как комплексного социокультурного явления, лежащего в основании правовой среды конституционного правления в государстве. Отмечается, что диагностируемый сегодня в России конституционный кризис в значительной мере связан с существованием расхождения между нормами Конституции РФ и реальными общественными практиками. Автор делает вывод о том, что изменение качества российского конституционализма не может быть само по себе связано с полномасштабной ревизией норм Основного Закона страны. Напротив, формирование аксиологически насыщенного фона и конституционализации правотворческой и правореализационной сфер должно основываться на нравственных устоях российского общества, которые способны стать источником достижения социальной солидарности, возрождения доверия между личностью, обществом и властью, заложить надежный фундамент для полноценной имплементации конституционных ценностей и послужить необходимым импульсом в целом для правовой модернизации России.

Ключевые слова: конституционализм, Конституция РФ, конституционализация права, законотворчество, правосознание, политико-правовая культура, гражданское общество, социальная солидарность, социальная справедливость, Конституционный Суд РФ.

Цитирование: Добрынин Н.М. Конституционализм, Конституция России и конституционализация российского права: несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик // Государство и право. 2020. № 4. С. 25–37.

DOI: 10.31857/S013207690009225-9

CONSTITUTIONALISM, CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CONSTITUTIONALITY OF THE RUSSIAN LAW: SEVERAL THOUGHTS ON THE CONJUNCTION OF MEANINGS AND LEGAL PRACTICES

© 2020 N. M. Dobrynin

*Institute of state and law of the Tyumen state University;
Federal research center "The Tyumen scientific center
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences"*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 22.01.2020

Abstract. The research contains the analysis of the axiological core of contemporary Russian constitutionalism as a complicated socio-cultural phenomenon providing for fundamentals of the legal environment of constitutional governance in this country. It is stated in the research that the currently visible constitutional crisis in Russia is mainly connected with the existence of a gap between the formal constitutional provisions and the real social practices. Author makes the conclusion that all the needed improvements of the contemporary Russian constitutionalism could not be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution. Contrarily, the process of formation of value-enriched fundamentals and constitutionality of law-making and law-implementation spheres is to be founded on the basis of moral consciousness of Russian people which is able to be a source of achieving of the social solidarity, revival of a trust between people and government, maintain a firm ground for a complete implementation of constitutional ideas and become a starting point for the whole legal modernization of Russia.

Key words: constitutionalism, the Constitution of the Russian Federation, constitutionality of law, lawmaking, legal consciousness, political and legal culture, civil society, social solidarity, social justice, the Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: Dobrynin, N.M. (2020). Constitutionalism, Constitution of the Russian Federation and constitutionality of the Russian law: several thoughts on the conjunction of meanings and legal practices // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 25–37.

**Конституционализм, Конституция страны
и конституционализация права как факторы
актуальности трендов правовой
модернизации Российского государства:
постановка проблемы**

Сегодня в сугубо *теоретическом ключе* конституционализм представляет собой систему политико-правовых знаний, доктрину, которая, основываясь на идеях и ценностях демократии, предполагает ограничение государственной публичной власти правом. Основная же роль в регулировании общественных отношений в рассматриваемом аспекте отведена конституции — нормативному правовому акту высшей юридической силы, в котором сбалансированы и в абстрактной, концентрированной форме закреплены права, интересы и взаимные обязанности общества, составляющих его индивидов и государства.

В своем *практическом преломлении* конституционализм в наши дни представляется как сложившийся в определенном государстве политико-правовой режим ограничения публичной власти конституцией на основе соответствующих идей и ценностей, а также институтов и отношений.

Третья трактовка понятия о конституционализме, которая, допустимо сказать, объединяет первые два значения, сводится к тому, что конституционализм представляет собой сложную общественно-политическую и государственно-правовую категорию, в основе которой лежат исторически сложившиеся идеалы конституционной демократии (т.е. демократии, базирующейся на конституции как особом документе государства), институты властвования и политический режим, соответствующие конституции, а также не только действующая, но и действенная система защиты конституции и конституционного строя,

закрепленных в конституции демократических ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

Нельзя не согласиться в этой связи с мнением проф. Н.С. Бондаря, который весьма точно характеризует имеющуюся научно-теоретическую картину данного явления: «При всем многообразии подходов к определению понятия “конституционализм” очевидно, что его основополагающие характеристики — как с точки зрения генезиса, происхождения и исторического развития данного явления, так и в гносеологическом плане — связаны в конечном счете с понятием конституции как основного закона общества и государства»¹. Но ценность указанного суждения отнюдь не в его констатационном характере и не в том, что оно созвучно с большинством уже сформулированных в отечественной правовой науке подходов к пониманию феномена конституционализма, а в том, что оно служит основой для критического осмысления сложившейся научно-теоретической картины, результаты которого, в свою очередь, открывают простор для более глубокой рефлексии о сущности конституционализма не только и не столько в его абстрактном представлении (как философско-правовой категории), а в реальном выражении — как существующего комплекса разнообразных и обширных общественных практик.

В частности, Н.С. Бондарь совершенно справедливо отмечает, что «традиционный для научной литературы подход к конституционализму как исключительно юридической, политико-правовой проблеме явно недостаточен. Перефразируя известное выражение, можно отметить, что конституционализм — слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам. <...> Категория “конституционализм” настолько многогранна

¹ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 24.

и универсальна, что способна охватывать своим содержанием явления как собственно правовые, так и неюридические (в том числе пред- и постюридические), равно как и метаюридические феномены социального, экономического, политического, культурного характера в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития, влияют на его конкретно-историческое содержание»².

По нашему убеждению, с изложенным выше невозможно не согласиться по ряду причин.

Прежде всего отметим, что взаимосвязь конституционализма как явления с установленным конституционным порядком практически не вызывает сомнений: *если исходить из того, что конституционный порядок представляет собой совокупность ценностно проникнутых идей и воззрений, лежащих в основе правопорядка в целом, то конституционализм, в сущности, эмпирически представляет собой тождество (до определенной степени) с правопорядком конституционного государства; именно конституцией устанавливается система конституционно-правовых институтов, наличие и степень действительности которых в реальной жизни общества свидетельствуют о существовании правового, социального, демократического и в конечном счете конституционного государства, а значит, и конституционализма.*

Соответственно, «господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действительность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее «возрастом» — есть значительно более важные, глубинные — социокультурные — истоки конституционализма»³.

Иными словами, давайте согласимся, если спустя четверть века после принятия Конституции РФ определенные ее положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобного положения дел, а они нам также известны, следует искать вовсе не в тексте Основного Закона страны.

Главная задача, как представляется, состоит в том, чтобы глубоко и продуманно, с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества в достаточной степени развить те базовые ценности Конституции РФ, которые являются фундаментом общественно-го согласия и солидарности (принцип приоритета

прав человека, принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и т.д.).

Мы убеждены, что как никогда сегодня требуется осуществить активную конституционализацию всей правовой системы государства — конституционализацию российского права в широкой трактовке данного процесса (не ограничиваясь формальными источниками закрепления правовых норм, но и охватывая их толкование, исполнение, применение, т.е. всю правореализационную сферу).

Поэтому тем, кто активно отстаивает позицию о необходимости переписать Конституцию РФ, следует вначале тщательно подумать о полноценной реализации ее правового потенциала, который, как отмечает проф. В.Д. Зорькин, «во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни»⁴.

Важно обратить внимание на то, что ст. 2 Конституции РФ содержит ключевое положение о правовых ценностях современной России: высшими ценностями признаны человек, его права и свободы. В указанной норме, таким образом, закрепляется аксиологический «стержень» действующего Основного Закона; но в этой же норме содержится и интуитивно ощущаемый призыв к каждому — призыв об интерпретации с этих позиций всех без исключения правовых явлений общественной жизни, что, безусловно, придает и соответствующий аксиологически насыщенный фон российскому праву в целом, решающим образом детерминируя вектор его конституционализации и сущностные параметры правореализационной сферы.

Таким образом, по нашему убеждению, конституционализм — это не утопическое восприятие некоторых идей, обуславливающих необходимость конституционного регулирования общественных отношений; *конституционализм логичнее трактовать как проявление определенной конституционной культуры, адекватной осмыслению бытия данного социума, это системное и осознанное наличие в реальной общественной жизни конституционных ценностей, на которых базируется вся правовая система.*

Справедливо здесь и то, как отмечает Н.С. Бондарь, что «вне зависимости от тех или иных

² Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 25.

³ Там же. С. 44.

⁴ Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.

подходов все мы знаем, что означают отсутствие в обществе и государстве конституционализма и соответственно конституционной законности, конституционного правопорядка, неисполнение конституции. И это не случайно: слишком высок в понятии конституционализма удельный вес того, что проявляется не столько на уровне юридических знаний, сколько на уровне веры, убеждений, обычаев, традиций, нравственных и этических представлений о справедливости и правде»⁵.

На наш взгляд, совершенно оправданным является соотношение конституционных ценностей и реалий существующего в стране конституционализма; он представляется нам еще более значимым с учетом того, что комплексная оценка феноменологических характеристик конституционализма — в любом государстве и в любой исторический промежуток времени — не может состояться в отрыве от взаимосвязанных аспектов философии права: проблематики нравственных оснований правовой жизни, общих гуманистических оснований прав и свобод личности, ее обязанностей и долга, оценки правовой культуры общества и бытующего в нем массового правосознания.

Собственно, все эти непростые моменты, которые и формируют в целом структуру и соотношение реальных общественных практик и определяют актуальные векторы правовой модернизации нашей страны, как раз и должны, в чем мы убеждены, стать предметом детального анализа в дальнейшем изложении.

***Конституционные ценности и реальность
российского конституционализма: конвергенция
смыслов и дивергенция социальных практик***

Не является откровением утверждение о том, что современный российский конституционализм по ряду ключевых признаков в полном смысле конституционализмом пока не является, несмотря на декларирование уважения к Основному Закону страны и нарочито подчеркнутый либерально-демократический характер официальной риторики; проблемы укрепления конституционализма активно ставятся и обсуждаются и в академической среде, и политиками, однако практической пользы от этого не видно.

При этом, безусловно, смысл в подобных дискуссиях имеется, заключаясь прежде всего в адекватной оценке «узких мест» в реализации аксиологических доминант Конституции РФ.

Вместе с тем необходимо особо обратить внимание на то, что у довольно обширной части

населения на протяжении ряда лет ощутимо уменьшается уровень доверия к власти. Почему?

Например, проф. С.А. Авакьян называет здесь ряд причин, с которыми едва ли возможно не согласиться. **Во-первых**, государство в лице своих органов не вполне удовлетворительно выполняет свои задачи. «Годы потери мощи государства, откровенная ориентация на ввоз товаров из-за рубежа вместо своего производства, концентрация экспорта на вывозе энергоресурсов, вложение заработанных на этом денег в зарубежные ценные бумаги..., существенная утрата под влиянием западных “ценностей” патриотической составляющей в нашей государственности привели к печальным результатам. Нами стали помыкать, стараются сделать все более зависимыми от внешних факторов. Стремление нашего Президента отстаивать самостоятельность государства, полностью одобряемое народом, ведет к откровенным хотя и не вооруженным, но вполне агрессивным действиям против России... К тому же и социальные задачи государство реализует не лучшим способом. Процветает коррупция. У граждан нет уверенности, что их личная жизнь находится в безопасности, а персональные данные составляют тайну, правоохранительным органам мало кто верит»⁶.

Во-вторых, неуклонно возрастает бюрократизация государства и его систем. Профессиональное чиновничество «неуклонно заменяется в России формированием касты управляющих — не всегда (мягко говоря) компетентных, но неуклонно остающихся у власти, только лишь перемещающихся из одного кресла на другое. Реально вновь возрождено то, что в советский период называли *номенклатурой*, иначе говоря, одни и те же люди беспрестанно крутятся в карусели, именуемой властью»⁷.

В-третьих, т.н. «*приватизация*» государства, сводящаяся к весьма линейной «*философии*»: «долго пользоваться благами власти и отдавать в частные руки то, что по праву, через государство, принадлежит всему народу»⁸.

К сожалению, результаты анализа практики современного российского конституционализма неутешительны: текущая ситуация в конституционно-правовой сфере характеризуется лишь фрагментарным воплощением конституционных ценностей и идей, что отнюдь не может являться поводом для эйфории — велик риск впасть в крайности правового идеализма.

⁶ Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 24.

⁵ Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 25.

Это мнение, как известно, разделяют многие современные конституционалисты. Так, М.В. Глигич-Золотарева отмечает: «Сегодня, как, впрочем, и в начале XX века, наблюдается сходная по своим признакам и последствиям эрозия основных дефиниций публичного права..., системный кризис традиционных государственных институций, в корне которого лежит несоответствие “трех китов” современного общества и государства — демократии, парламентаризма и разделения властей — реалиям интенсивно меняющегося мира»⁹.

Следует особо подчеркнуть, что базис такого несоответствия, по всей вероятности, проистекает из несовершенства текста (но не духа) действующей Конституции, что и становится причиной ее системно небезупречного истолкования в разных ипостасях правореализации (включая правоприменение).

В.Д. Зорькин на фактор несовершенства конституционного текста обращает внимание в одной из своих последних публикаций: «Разумеется, у нашей Конституции есть недостатки. В их числе отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры. Конструкция ст. 12 Конституции дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти (в том числе представительным органам государственной власти), в то время как органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации. <...> Недостатки существуют и в разграничении предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами»¹⁰.

Сложившаяся реальность — в первую очередь результат системного нарушения конституционного баланса в общественной практике: его следует безотлагательно начать восстанавливать; ибо очевидность наличия системного дефицита конституционализма в реальной жизни означает не что иное, как фактически не обеспечиваемое верховенство Основного Закона государства.

То, что делается в данном направлении Конституционным Судом РФ и немногочисленными фактически работающими конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации,

все же во многом имеет дискретный характер, что связано с конкретикой конституционного нормоконтроля и конституционной герменевтики, а потому может иметь лишь фрагментарные эффекты: «не обеспечивает необходимой последовательности и системной непрерывности в выявлении, оценке и восстановлении нарушенного конституционного баланса в обществе, обеспечении конституционализма в соответствии с конституционной культурой нового тысячелетия»¹¹.

В контексте отмеченного нами выше системного нарушения конституционного баланса в общественной практике — призывы «начать все с чистого листа», переписав Конституцию страны, поступить по принципу *tabula rasa* не выдерживают критики.

Давайте согласимся, если говорить об исторических мерках, то, безусловно, прав В.Д. Зорькин, когда утверждает, что в любом случае «нам придется восстанавливать право. *Причем именно на общечеловеческом уровне* (курсив наш. — Н.Д.). И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка...?»¹².

Это означает, что мы в современном подконституционном правотворчестве должны еще до принятия тех или иных нормативных решений внимательно исследовать реальные общечеловеческие ценности и потребности.

Со всей очевидностью ясно одно: на пути преодоления разрыва между формально закрепленной моделью российского конституционализма и реальными политико-правовыми практиками в государстве ***необходимо бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российском обществе неписанные нормы моральной регуляции, которые способны реально восполнить все еще недостаточную эффективность законодательного нормирования: в правовом государстве любая норма права должна проявляться как элемент конституционно согласованной системы правового и нравственного поведения человека и власти.***

Вне сомнения, ***конституционализм*** необходимо воспринимать не только и не столько как один из принципов конституционного права, а более

⁹ Глигич-Золотарева М.В. Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и общество. 2009. № 5. С. 4.

¹⁰ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Росс. газ. 2018. 10 окт.

¹¹ Арутюнян Г.Г. Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. С. 28.

¹² Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 188.

широко — как фундаментальный и реально действующий принцип правовой регуляции жизни современного общества; конституционализм определяет суть взаимосогласованного поведения членов социума, характер осмысленного существования государств и наций во времени, уровень зрелости общественных отношений и качества их правового регулирования; конституционализм — идеал цивилизованного саморегулирования, к чему и должно стремиться современное Российское государство.

Однако при всех отмеченных нами выше недостатках и системном дисбалансе российского конституционализма причины такого положения дел не следует искать в Конституции РФ.

В этом контексте долгий и неимоверно тернистый путь преодоления разрыва между формально провозглашенными конституционными ценностями и их реальным воплощением — *дело выстраивания адекватного политико-правового режима в государстве, который в силу самих своих ценностных оснований, прочно коренящихся в нравственных и моральных устоях российского народа, смог бы стать полноценной гарантией защиты конституционного строя Российской Федерации.*

**Народный дух Конституции РФ
как онтологическая детерминанта
конституционализации российского права
и правоприменения**

Как отмечалось выше, главное, что следует учитывать при оценке реальности имплементации конституционных ценностей в правовой порядок, состоит в том, что конституционные ценности, безусловно, провозглашаются как имеющие высшую степень общественной важности. Но за этой важной стадией провозглашения и закрепления конституционных ценностей наступает не менее значимая: конституционные идеи должны быть воплощены в жизнь, в практику общественного и государственного строительства.

При этом необходимо иметь в виду, что обычно конституция закрепляет минимум, а остальное — это удел практики, в т.ч. и практики нормативно-правового регулирования, и опыта конституционной герменевтики.

Иными словами, далее наступает стадия, когда происходит своего рода «состязание» конституционных идей, конкуренция подходов в их интерпретации и в конкретных соционормативных способах их воплощения на подконституционном уровне нормотворчества¹³.

¹³ См.: Авакьян С.А. Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11 «Право». 2014. № 1. С. 62.

В связи с этим возникает вопрос: кто конкретно должен заниматься реализацией конституционных идей? Согласимся, что ответ на него во многом зависит от качеств политико-правового режима в государстве.

В первом приближении бесспорно то, что у процесса воплощения в жизнь конституционных идей и ценностей присутствует двойственное активное начало: *с одной стороны, это народ, который посредством прямой демократии участвует в политической жизни государства, а с другой — органы публичной власти, реализующие эту самую власть в своей повседневной деятельности.*

Как отмечает С.А. Авакьян, и мы всецело солидарны с его утверждениями, «в истории конституционного нормотворчества можно наблюдать три метаморфозы относительно “власти народа”. Первая состоит в ее “идеализации”: закрепляем полноту власти за народом и верим в то, что он в состоянии ее осуществлять. Вторая — это своего рода “идеализм”, довольно быстро переходящий в идеологическое лицемерие: вполне понимаем, что народ не в состоянии осуществлять власть — это делают органы, и в лучшем случае главные из них формирует народ. Третья представляет собой некий гибрид: полагаем, что народ не в состоянии осуществлять власть, да и нельзя ему власть доверять, но “обижать” народ не хочется, поэтому провозглашаем, что власть принадлежит народу, но тут же добавляем — он ее осуществляет “в лице” своих органов»¹⁴.

Представляется, что гармония в отношениях народа и органов публичной власти возможна и должно быть при любом из названных вариантов, если народ доверяет сформированным им органам. К сожалению, далеко не редкость у нас и иной вид «гармонии», когда возникает реальное отчуждение народа от власти, компенсируемое в различной степени принуждением его со стороны представителей этой власти участвовать в делах государства, пусть даже и происходящем демократическим путем — посредством выборов, т.е. наступает ситуация, с одной стороны, идеологической обработки, а с другой — административного и часто негласного принуждения в отношении населения.

Именно это обстоятельство, полагаем, дало основание С.А. Авакьяну утверждать: «Порядок формирования органов власти упрощается до такой степени, что “народные” избранники уже не зависят от народа. В результате народное представительство как составная часть конституционализма разбивается о политические рифы, как морская волна прибоя, налетевшая на

¹⁴ Там же.

бетонные укрепления, и затем отступает в бессилии и разочаровании»¹⁵.

Думается, следует согласиться с мнением авторитетного ученого, когда он убедительно отмечает, что именно из «понимания возможности появления таких “любителей” править странами, людьми и родилась известная идея конституционализма о естественном праве народа на сопротивление правителям, ввергающим в пучину бед своих сограждан: причем к этому стоило бы добавить и право на свержение таких правителей. Данный тезис не утратил актуальности и в наши дни, а все разглагольствования о том, что “нам не надо ни революций, ни контрреволюций”, разбиваются о простую истину: не справился, дискредитировал себя — уходи сам, не доводи народ до гнева»¹⁶.

Возникают правомерно вопросы: как же обеспечить рациональные сбалансированные взаимоотношения народа и тех, кто является олицетворением власти; как сделать так, чтобы конституционализм, смоделированный в нормах конституции государства, стал жизнью, содержанием правовых норм, способствовал диалогу и доверию между властью и народом, властью и обществом, подлинно составлял смысл деятельности органов публичной власти, граждан и их объединений?

Мы вновь и вновь обращаемся к обоснованным утверждениям С.А. Авакьяна, который излагает свою позицию: «Любой ветви власти — законодательной, исполнительной, судебной — неизбежно грозит со временем бюрократизация. Ее проявления заключаются в следующем: забота о себе и расширение своих льгот; увеличение круга своих прав, с одной стороны, и стремление сбросить “трудные” полномочия на чужие плечи — с другой; попытка уйти от ответственности перед другими органами и тем более народом... В итоге, какие бы прекрасные ни были идеи конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой “конституционализм”. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых быстро могут сделать послушными, “карманными”, чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными, претендент на должность уже на стадии приема на работу был готов стать частью корпоративного сообщества, чьи интересы выше чаяний простых людей... для двух этих категорий будет совсем неплохо, если в судьи придут слабые профессионально люди...»¹⁷.

¹⁵ Авакьян С.А. Конституционализм и бюрократизация власти. С. 63.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 64.

С.А. Авакьян весьма скептически оценивает, и следует подчеркнуть не без оснований, тезис о том, что «современные государства все более и более становятся заботливыми по отношению к личности, что такова миссия государства»¹⁸; и далее он пишет: «Думается, все дело в том, что надо или идти навстречу простым людям, или они перевернут мир своими бунтарскими выступлениями. Чтобы этого не произошло, как раз и рождается некий компромисс: богатство через государство помогает удовлетворению социальных нужд простых людей, а опять же государство вкупе с обществом так организует жизнь людей, чтобы они вели себя умеренно... Каждый субъект процесса не должен “перегибать палку”. Тогда и бюрократия сохранит свои позиции и “питательную среду” в государственном кармане, и идеи конституционализма будут проявляться в обществе — в относительной многопартийности, свободе слова, манифестаций и т.д.»¹⁹.

Давайте согласимся, что проблема субъекта реализации конституционных идей и ценностей сводится, таким образом, не просто к применению конституции, а к формированию той социальной среды, в которой аксиологически насыщенный смысл основного закона воплощается каждым элементом этой системы как непереносимое условие ее существования. Это, пожалуй, единственная прошедшая испытание столетиями гарантия реализации конституционного порядка и стабильного развития общества на основе социального консенсуса и доверия.

По нашему убеждению, в этом и заключается *народный дух Конституции РФ*.

Наш вывод означает, что для конституционализма важно, чтобы конституция как основной правовой акт государства поддерживалась всем строем общественной и государственной жизни; конституционализм будет иметь успех лишь постольку и тогда, поскольку и когда он помогает развитию личности, созиданию свободного и ответственного перед гражданами общества.

Очевидно также и то, что заявленная модернизация России требует прочной правовой основы. При этом следует помнить, что практически невозможно навести порядок в государстве исключительно лишь с помощью юридических установлений; законодательство и общественные процессы должны развиваться синхронно и взаимосвязано; важно иметь четкое представление «о пределах

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Там же.

и реальных возможностях юридических законов, путях их воплощения в жизнь»²⁰.

Профессор Б.С. Эбзеев, например, справедливо указывает: «Народ, понимаемый как общность, образуемая всей совокупностью граждан, обладающих избирательной правосубъектностью, выступает первичным субъектом конституционных правоотношений, в которых *обязанной стороной* (курсив наш. — Н.Д.) являются государство, его органы и должностные лица. На этой идее, составляющей содержательную характеристику народного суверенитета, которая приобрела значение универсального для всякого демократического или претендующего на демократизм государства конституционного принципа, основывается конституционный правопорядок»²¹.

Профессор С.А. Авакьян, как видно из приведенных выше его суждений, стремится подчеркнуть *эксклюзивную роль народа как особого и единственного субъекта государственно-правовой жизни, который только и может как изначально, так и в конечном счете выступать историческим творцом судеб своей страны*; при этом, как можно заключить, его идея полновластия народа предстает в виде объективной, естественно-правовой (надпозитивной и надгосударственной) константы, закономерным итоговым выражением которой может являться и т.н. «*право народа на революцию*».

Б.С. Эбзеев отмечает, что «конституционализм закрепляет демократию не в смысле господства народа, основой которого могла быть его единодушная воля; речь идет о рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях многопартийности и плюрализма. Это, в свою очередь, обуславливает конституирование основным законом не только прямой, но и представительной демократии — равноценных по своему значению и занимаемому в системе демократии месту. <...> Именно такое понимание, основывающееся на отказе от интерпретации демократии как господства народа в смысле идентичной демократии, доминирует в европейском конституционализме и развивается доктриной Конституционного Суда РФ и отечественным государствоведением в целом»²².

Не остается сомнений в том, что проблематика народовластия, выступающего залогом реализации народного духа, которым пронизана Конституция РФ, должна рассматриваться в русле оценки

этого народовластия прежде всего как правового явления.

Жизненно важно и необходимо исходить из того, что ни один антиправовой феномен ни по существу, ни по формальным признакам не может и не должен трактоваться в качестве служащего выражением сложнейшего и в то же время ключевого, крайне ценного принципа современной человеческой цивилизации — *цивилизации права*, если прибегнуть к терминологии В.Д. Зорькина²³.

Без такого подхода к оценке народовластия постановка и решение проблем конституционализации российского права и правоприменения во многом окажутся схоластическим теоретизированием, не ведущим ни к чему кроме умозрительных и не подтверждаемых историческим опытом человечества спекуляций.

И здесь возникает нетривиальный вопрос: где же находится та грань, при пересечении которой народовластие, будучи по своей природе и сущности явлением прежде всего правовым, рискует переродиться в нечто антиправовое, противное самим основам мирного и созидательного социального бытия?

По нашему убеждению, эта грань может быть обнаружена в первую очередь *посредством обращения к проблематике правосознания и правовой культуры*, поскольку именно социо-юридические феномены определяют тональность правовых переживаний, интерпретаций и действий в повседневной жизни людей, именно они задают планку нормальности в границах юридического быта, именно от них, от их качества зависят степень и глубина нетерпимости обществом каких бы то ни было — антиконституционных по своей сути — форм произвола, дискриминации и ущемлений.

Представляется уместным и немаловажным обратиться прежде всего к соответствующим исследованиям И.А. Ильина, поскольку именно учение о правосознании занимает одно из центральных мест в научном наследии этого крупного российского философа и юриста: правосознание он рассматривал в качестве жизненной среды для любых государственно-правовых явлений.

Свое видение ученый противопоставлял концепции о «*внешней*» природе права и государства, отмечая при этом: «Должна быть усмотрена и усвоена их «*внутренняя*», душевно-духовная сущность. Право только «*проявляется*» во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении

²⁰ Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 12.

²¹ Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 33.

²² Там же. С. 34, 35.

²³ См.: Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России.

“предполагает” наличие множества телесно разьединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает — и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого. <...> Усмотреть наличие, достоинство и компетентность нормального правосознания — значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже “антиномий” в юридической науке»²⁴.

Таким образом, по мнению И.А. Ильина, правосознание является той призмой, преломляясь через которую, абстрактные правовые нормы получают справедливую реализацию²⁵.

В здоровом и верном правосознании он усматривает связующую силу, обеспечивающую органическое единство автономии, присущей природе человеческого духа, с одной стороны, и гетерономного порядка властвования — с другой.

«Отвергнуть автономию личного духа, — утверждает И.А. Ильин, — значит нарушить цель права и подорвать его жизненную силу, отвергнуть власть, значит разрушить средства, необходимые для этой цели, и пути, по которым эта сила идет к осуществлению... Индивидуальный дух должен влить свою автономию в строение и деятельность власти; а власть должна усмотреть в духовной автономии форму своего бытия, принцип своей жизни и цель своего дела»²⁶.

Более того, именно в «нормальном правосознании» И.А. Ильин видит средство практического достижения естественно-правовых идеалов «*всемирного естественного братства людей*» на фоне общемировых исторических процессов «*противопоставления государства государству*», международных войн: «Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как безусловно ценные и необходимые — не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом»²⁷.

Мы с уверенностью утверждаем, что в своих рассуждениях о нравственных основаниях государственно-правовой жизни И.А. Ильин проявлял удивительную прозорливость. Не нужно быть богоизбранным мудрецом или пророком, чтобы

понимать: *не имея прочной основы в морально-нравственной сфере, в духовной жизни людей, право обречено потерпеть крах, а общество — прийти к потрясениям.*

По нашему убеждению, любая современная дискуссия о ключевых проблемах конституционализма, о его реальном соотношении с идеалами и ценностями, зафиксированными в Основном Законе, неизбежно приводит к осознанию того обстоятельства, что и *актуальная имплементация Конституции РФ, и, как следствие, конституционализация в целом российского права и правоприменения возможны только с опорой на народный дух Основного Закона страны.*

По точному замечанию В.Д. Зорькина, можно было бы «привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действительно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и так далее. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения»²⁸.

В суждениях И.А. Ильина отчетливо усматриваются основания и для определения понятия «*народ*», и для осмысления идей правовой и, более емко, социальной солидарности как общего смыслового контекста, в рамках которого проистекает государственно-правовая жизнь народа, и для уяснения того обстоятельства, что искаженное, деформированное в сторону идеализма или нигилизма правосознание (в его восхождении от индивидуального к массовому) способно очень просто привести к крушению правовых принципов, к перерождению народовластия в нечто фиктивное или в худшем случае антиправовое.

При этом отметим, что воззрения И.А. Ильина весьма заметно (только будучи излагаемы другими словами) коррелируют с соответствующими тезисами, которые сформулированы В.Д. Зорькиным, Н.С. Бондарем, С.А. Авакьяном и Б.С. Эбзеевым.

Представляется, что, оценивая как данность и исходный посыл тот факт, что сейчас в стране массовое правосознание по-прежнему нередко воспринимает в качестве нормы общественного бытия либо правовой идеализм, либо, что хуже, правовой нигилизм (и этому посвящено

²⁴ Ильин И.А. О сущности правосознания / подгот. текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.

²⁵ См.: там же. С. 230.

²⁶ Там же. С. 232.

²⁷ Там же. С. 233.

²⁸ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 16.

достаточное количество обстоятельных исследований²⁹), вполне логичен наш вывод о том, что именно *правосознание определяет действительное бытие права, его восприятие и действительность*: деформации правосознания не только детерминируют отношение самого народа к тезису о верховенстве Конституции РФ (и далее — о верховенстве права), но и влекут соответствующие изменения в парадигме взаимодействий общества и государства, актуализируя тем самым сообразно наличным социальным практикам и политико-правовой режим, пусть даже и искаженный по сравнению с конституционно провозглашенными идеалами.

Вместо заключения:

посильные размышления о будущем российского конституционализма в контексте проблемы возрождения нравственных оснований права в России

Результаты исследования современными учеными текста Конституции РФ, которое осуществлялось в самых разных аспектах, убеждают в том, что формально такие идеалы, как правовое государство, свобода, общественное согласие, народовластие, верховенство права, разделение властей, толерантность, равенство, плюрализм и другие общепризнанные ценности в их органичном единстве *стали основой юридической модели современного российского конституционализма*.

Но справедливо, к сожалению, и другое: социальная действительность в России, увы, оказалась в ином измерении.

Мы наблюдаем, что в огромном числе жизненных ситуаций самодостаточность Конституции РФ, несмотря на ее прямое действие, обеспечена далеко не в полной мере, имеет место существенный смысловой разрыв между основополагающими конституционными ценностями и социальной действительностью.

На наш взгляд, характерными чертами этой действительности продолжают оставаться низкий уровень правовой культуры, системная неполноценность механизмов обеспечения верховенства права, отсутствие единого ценностно-систематизированного понимания ориентиров и приоритетов

общественного развития, наличие внутренне противоречивой системы законодательства и практики его применения, а также целый ряд социально-экономических проблем, не утративших остроты со времен начала 1990-х годов.

Убеждены, что сверхзадачей для нашего государства была и остается гармонизация реалий общественной жизни с конституционными нормами и принципами, основанными на обеспечении верховенства права.

Профессор С.С. Алексеев в одной из своих работ констатировал, что «у человечества нет иного пути и иного способа решения глобальных проблем и трудностей, грозящих тяжкими последствиями для человеческого рода, как поставить в самый центр жизни людей современное право»³⁰.

Схожую мысль выражают всё больше ученых-юристов. В частности, В.Д. Зорькин, размышляя о судьбах России, формулирует такое суждение: «Без правовой модернизации у России нет будущего»³¹.

Конституционализм, как и в целом право, есть не что иное, как объективная реальность, проявление сущности социума, имеющего созидательный внутренний потенциал для динамичного и стабильного развития.

Весьма точным в этой связи представляется мнение Председателя Конституционного суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна. В «*правовом государстве проявления права как сущности и как явления характеризуются именно соответствующим уровнем конституционализма...* Конституционализм как фундаментальный принцип права на определенном уровне развития общества приобретает системообразующий и универсальный характер правовой регуляции, выражает и конкретизирует правовое содержание гарантирования и обеспечения верховенства права и непосредственное действие прав человека, выступает критерием правомерности поведения правосубъектов, является исходным началом правотворческой и правоприменительной деятельности, результатом исторического развития данного общества»³².

Необходимо помнить, что *истинный конституционализм присущ таким социальным системам, которые достигли определенного признания и гарантирования социальных прав и свобод, общественно-го согласия (т.е. солидарности) на основе соответствующей системы социокультурных ценностей*; конституционализм должен опираться на эти,

²⁹ См., напр.: Белкин Л.М. Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 13–22; Матузов Н.И. Указ. соч. С. 5–12; Его же. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16; Его же. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080–2089; Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 162–235; Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52–58; и др.

³⁰ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 710.

³¹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 69.

³² Арутюнян Г.Г. Указ. соч. С. 28.

причем вполне определенные, ценности как неотъемлемую часть и правосознания отдельной личности, и правовой культуры в целом.

Вместе с тем конституционализм — комплексная категория, которую нельзя рассматривать в отрыве от политико-правового режима. В противном случае явления формального конституционализма так и останутся «нормой жизни», что может стать прологом последствий, весьма обстоятельно охарактеризованных В.Д. Зорькиным на примере Веймарской Республики: «В этой Республике формально все отвечало демократическому идеалу политического устройства. Но именно формально. Республика была учреждена по итогам поражения Германии в Первой мировой войне. Она испила горькую чашу аннексий и контрибуций. Национальное унижение было огромно. Экономическое поражение — чудовищно. Возник колоссальный разрыв между идеальной демократической формой и тем реальным содержанием, которое эта форма должна была в себе разместить. Спекуляция, безработица, отсутствие реального опыта политической демократии, разгул преступности... Все это вместе и есть Веймарская Республика. Именно специфика ее устройства, специфика несовпадений между юридической формой и реальным социальным, культурным, экономическим и политическим содержанием породила нацизм... Конституционные нормы не должны вступать в жесткое противоречие с реальностью — вот в чем опыт Веймарской Германии»³³.

К сожалению, сегодня в России наблюдается явный аксиологический разрыв между конституционными установлениями и реальной жизнью, разрыв, который становится фактором демонтажа подлинного конституционализма, тормозом его поступательного эволюционного развития; этот разрыв уже не представляется возможным нивелировать лишь за счет наращивания массива соответствующего законодательства и правоприменительной практики.

Пришло время решительных действий. Промедление чревато малопрогнозируемыми последствиями для судеб России.

Двадцать пять лет, прошедших после принятия Конституции РФ, — достаточно зрелый «возраст» конституционно-правового развития, и он требует осмысления и всесторонней оценки достигнутого, а также соответствующей реакции на вызовы времени.

Вне сомнения, что вряд ли кто-либо будет отрицать очевидное — наличие положительных результатов социальных трансформаций, произошедших

в стране в указанный период; и эти результаты имеют непреходящее историческое значение.

Однако следует сделать акцент на основные причины имеющих место кризисных проявлений в конституционно-правовой сфере, которые приобретают системное значение и преодоление которых с учетом фундаментальных ценностей правовой культуры нового тысячелетия является неотложной необходимостью.

Становится очевидно, что характер соотношения конституционализма, Конституции РФ и тенденций дальнейшей конституционализации российского права побуждает исследователей сосредоточить пристальное внимание в первую очередь на поиске путей преодоления отмеченного выше разрыва между формально провозглашенными конституционными ценностями и идеями и реально сложившимися в последние два десятилетия социальными и политико-правовыми практиками.

Так совпало, что 15 января 2020 г. нами было намечено поставить точку в кратком исследовании заявленной темы, и в этот же день в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ прозвучало предложение о внесении точечных поправок в Конституцию страны, при этом, как сказано, они не касаются её фундаментальных основ.

«Смысл этих поправок — обеспечить дальнейшее развитие России как правового, социального государства, повысить эффективность деятельности институтов нашей страны, укрепить роль гражданского общества, политических партий, наших регионов в выработке важнейших решений развития нашего государства», — заявил В.В. Путин на встрече с членами рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ, а уже 20 января направил в Государственную Думу ФС РФ соответствующий законопроект «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти».

Вездесущие политологи тут же во всеуслышание стали заявлять, кто — о трансфере власти, кто — о транзите власти... Каждый волен упражняться как угодно и сколько угодно...

Вопросов и у нас немало. Что есть российский федерализм и его фантомная сущность; Государственный Совет — новый статус и роль; место субъектов Российской Федерации в развитии страны и излишнее многообразие их видов; роль местного самоуправления как основы федеративного государства и финансово-экономическая состоятельность обеспечения реализации его полномочий; статус Администрации Президента РФ, федеральных округов и полпредов Президента РФ в них, главных федеральных инспекторов

³³ Зорькин В.Д. Кризис доверия и государство // Росс. газ. 2009. 10 апр.

в субъектах Российской Федерации; реальная многопартийность; легитимность выборов всех уровней; ответственность власти перед гражданами...

Но этот поиск и есть самая сложная и центральная проблема (!) всей правовой модернизации современной России...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11 «Право». 2014. № 1. С. 62–65.
2. *Авакьян С.А.* Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23, 24.
3. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 710.
4. *Арутюнян Г.Г.* Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 28.
5. *Белкин Л.М.* Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 13–22.
6. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 24, 25, 44.
7. *Глигич-Золотарева М.В.* Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и общество. 2009. № 5. С. 4.
8. *Зорькин В.Д.* Буква и дух Конституции // Росс. газ. 2018. 10 окт.
9. *Зорькин В.Д.* Кризис доверия и государство // Росс. газ. 2009. 10 апр.
10. *Зорькин В.Д.* Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.
11. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 16, 69, 188.
12. *Ильин И.А.* О сущности правосознания / подгот. текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229, 230, 232, 233.
13. *Матузов Н.И.* Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 5–12.
14. *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.
15. *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080–2089.
16. *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 162–235.
17. *Туманов В.А.* Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52–58.
18. *Эбзеев Б.С.* Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 33–35.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitutionalism and bureaucratization of power // Herald Mosk. Un-t. Ser. 11 "Law". 2014. No. 1. P. 62–65 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A.* Russian constitutionalism: a few points about the urgent problems of the // Legal world. 2015. No. 2. P. 23, 24 (in Russ.).
3. *Alekseyev S.S.* Ascent to the law. Searches and solutions. M., 2001. P. 710 (in Russ.).
4. *Arutyunyan G.G.* Modern constitutionalism: paradigms of reality and challenges // Modern constitutionalism: challenges and prospects: materials of International science-practice Conf., dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Saint Petersburg, November 14–15, 2013) / rel. ed. V.D. Zorkin. M., 2014. P. 28 (in Russ.).
5. *Belkin L.M.* Genesis of legal nihilism in the context of theories of bureaucratism // State and Law. 2013. No. 10. P. 13–22 (in Russ.).
6. *Bondar N.S.* Judicial constitutionalism: doctrine and practice. 2nd ed., rev. M., 2016. P. 24, 25, 44 (in Russ.).
7. *Gligich-Zolotareva M.V.* Verification of definitions of constitutional science vs. "obsession with common places" // Politics and society. 2009. No. 5. P. 4 (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* The letter and spirit of the Constitution // Russ. newspaper. 2018. 10 Oct. (in Russ.).
9. *Zorkin V.D.* Crisis of trust and the state // Russ. newspaper. 2009. 10 Apr. (in Russ.).
10. *Zorkin V.D.* Problems of constitutional and legal development of Russia (To the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation) // Modern constitutionalism: challenges and prospects: materials of International science-practice Conf., dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Saint Petersburg, November

- 14–15, 2013) / rel. ed. V.D. Zorkin. M., 2014. P. 6–8 (in Russ.).
11. *Zorkin V.D.* Civilisation of law and development of Russia. M., 2015. P. 16, 69, 188 (in Russ.).
12. *Ilyin I.A.* On the essence of legal consciousness / the preparation of the text and introductory article by I.N. Smirnov. M., 1993. P. 211, 229, 230, 232, 233 (in Russ.).
13. *Matuzov N.I.* Legal idealism as the reverse side of legal nihilism // State and Law. 2013. No. 10. P. 5–12 (in Russ.).
14. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism as two sides of “one measure” // Jurisprudence. 1994. No. 2. P. 3–16 (in Russ.).
15. *Matuzov N.I.* Legal nihilism as a way of life // Law and politics. 2012. No. 12. P. 2080–2089 (in Russ.).
16. *Solovyov E. Yu.* Legal nihilism and the humanistic meaning of law // Quintessence: a Philosophical almanac. M., 1990. P. 162–235 (in Russ.).
17. *Tumanov V.A.* Legal nihilism in historical and ideological perspective // State and Law. 1993. No. 8. P. 52–58 (in Russ.).
18. *Ebzeev B.S.* People, people’s sovereignty and representation: doctrinal foundations and constitutional practice // State and Law. 2016. No. 4. P. 33–35 (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник науки и образования Тюменской области, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; 625026 г. Тюмень, ул. Малыгина, 86

Authors’ information

DOBRYNIN Nikolay M. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary graduate of science and education of the Tyumen region, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of state and law of the Tyumen state University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia; chief researcher of the Federal research center “The Tyumen scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences”; 86 Malygina str., 625026 Tyumen, Russia